

СЛОВО НАПРОСВЕТ

(предисловие к книге Г.В. Афанасьевой-Медведевой «Медведь в русской традиционной культуре Восточной Сибири»)

Я гляжу почти со смятением: Господи, давно ли встали на институтских полках двадцать томов «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири» (годы и годы неустанного труда по спасению уходящей речи Восточной Сибири). И еще не успели обвыкнуться в читательском сознании два тома словаря распутинской живой речи, в которых Галина Витальевна слушала героев и героинь прозы Валентина Григорьевича, как слушала бы еще не записанных ею стариков и старух родного края, которых она всех знала в лицо, как и они её. Вот уж кто понимал и слышал Галину Витальевну. Нет-нет, верно, Валентин Григорьевич потихоньку и проверял себя – везде ли старухи так говорят, как в его Аталанке. Или в Панове, Ёдорме и Кежме иначе? Да и правда иначе.

Раньше говорили: что город, то норов. А уж деревни и вовсе наособицу – от каждого поворота реки зависят, от тайги ли вокруг, от крутого или пологого берега. Это мы нынче наладились бегать по земле – уже и старики разбежались: дети разъехались, как не навестить, да и застряли по городам. А там о чужую речь, хоть и речь своих детей, и вытерлись – неудобно будто своими-то деревенскими словами говорить, дочь или сына подводить. Да они тут и странны – деревенские-то слова. Так понемногу себя и забудешь.

Потому Галина Витальевна и ходит от деревни к деревне, чтобы застать слово на месте, где оно живет, не стыдясь себя и не прячась, потому что дома. Не зря Валентин Григорьевич писал о её двадцатитомном «Словаре»: ««Словарь этот именно свод, энциклопедия, житие и сказание сибирских окраин, которые Г. В. Афанасьева-Медведева объединила в Байкальскую Сибирь. Славное, достойное нашего поколения, житие и вдохновенное, из уст этого жития, многоголосное сказание. И богатырский подвиг Галины Афанасьевой-Медведевой, подобного которому после XIX века, кажется, не бывало. А по мере трудничества, по объёмам и размаху старательства на «золотоносных» сибирских землях, вероятно, и сравнить не с чем».

«Подвиг» обычно движение короткое. Оно и в самом слове слышно, как разовое и мгновенное – не двигаться, а подвинуться. А тут целая жизнь. И нам бы пока эту Атлантиду освоить, там нажиться, послушаться, смущенно погордиться – вон из какой колыбели мы вышли. А вот перед читателем уже новый обстоятельный «медвежий словарь», собравший на этот раз целое человечество медведей Белоруссии, Карелии, Саксонии, но прежде всего, конечно, Сибири, которую Галина Витальевна исходила за этими медведями из края в край.

Круг как будто сужается, там двадцать томов, там два, а тут один в двух частях. И это естественно – от всего горизонта, всё уже и ближе. Но только уже ли? Оказывается, что и в одном явлении, в одном слове и понятии прячутся столетия, слово живет и обрастает значениями, как и все мы не просто живем, а наживаем жизнь, и она растет в нас и с нами, как годовые кольца на дереве – всё шире и дальше.

Всегда меня изумляет, когда читаешь что-то родное и тебе надо об этом написать. Непременно Господь улыбнется и пошлет привет в виде нечаянной страницы, вроде благословения. Вот, думаю, поищу живого камертона, чтобы правильно «разогнаться», чего-нибудь у стариков. Разогнул любимого Сергея Дурылина, его повесть «Сударь-кот» на первом попавшемся месте и прочитал первый абзац (ей Богу, не вру): «Присел я на мху и заплакал – заблудился. Вдруг затрещало вокруг меня, захрустело, лесолом пошел. Понял я, кто идет. Пал лицом в мох, не дышу, творю молитву, яко мертв. А зверь надо мной

наклонился,дохнул на меня теплым дыханием своим,лизнул в затылок – и прочь удалился.Встал я.«Господи – думаю – зверь мимо прошел,не тронул:«На вот тебе,знай,что знаю я,зверь дикий,что ты человек,и тебе знать даю,но мимо иду и не вружу тебе».Понял я,милые,звериную эту думу,благодарю Бога,слезы в глаза стоят...».

Ну,значит,и мне вовремя словарь попался – раз медведь сразу открылся.И улыбнулся – фамилия-то у Галины Витальевны Афанасьева-Медведева.Афанасьеву-то память о великом однофамильце,сказочнике и словеснике,она отблагодарила большим словарем.А теперь вот пришла пора и другую половину фамилии оглядеть в родовой дали – ведь пошла же когда-то фамилия-то от живого столкновения кого-то из предков с этим лесным обитателем.И отчего-то кажется,что и замысел явился естественно,не из умозрения,а из экспедиций.Записывала годами стариков и старух,и они нет-нет не только имя,а и фамилию спрашивали.И,услыхав «Медведева»,бессознательно вспоминали,что в их жизни с этим «бывшим человеком» было связано.И или смущались воспоминанием,или с улыбкой еще подзадоривали её и себя,поминая этого «деда»,«мужика в ичихах»,а то в прошлом и сына божия,ослушавшегося отца и наказанного за слушание медвежьим обликом.

Он,«дед-то» и «мужик»,и городскому человеку,ни разу нос в лес не казавшего,с детства свой,то Винни-пухом явится,то Михаилом Ивановичем с Мишуткой:«Кто сидел на моем стуле и весь его расшатал?».А уж что говорить о деревенском,а тем более таежном человеке.Там,в деревне,днём и ангел мог в избу войти,а ночью того и жди явятся кикиморы,банники,гуменники,овинники,а то и вовкулаки,а чуть в лес,так полевика и лешие,а то и он собственной персоной – ведатель мёда,медведь.Выйдет,поглядит – человек человеком (посмотрите на фотографии в книге).

Как любит русский человек вдруг припомнить своё родство с матушкой-природой,с земной далью.И всегда в первую очередь вспомнит в медведе не о звериной,а о человеческой стороне.Посмотрите,в какие слова одевают его сталкивавшиеся с ним люди:медведь и умывается,и танцует,и поёт,и играет,и плачет,и даже смущается.И уж как ты с ним,так и он с тобой:заблудившееся дитя выведет к людям или хоть не тронет (как вон у Дурылина-то),женщину не обидит,если «не женится» и не уведет в берлогу (оказывается,бывало и такое – мужик ведь);бабу,беременную девочкой,не тронет,а мальчиком – непременно задерет:лучше всякого УЗИ знает,кого носит женщина,– чует,что выйдет на свет охотник,а с ними у него разговор короткий.

Впрочем,я это от счастья первого чтения норовлю читателя обогнать и самому всё скорее рассказать,хоть ненадолго вернуться «домой»,к началу мира,когда Бог еще часто ходил по земле и мужиков,которые хотели его напугать на лесных дорогах,обращал в медведей.И видать мужики были озорники,раз вон их сколько,в медведей превращенных,по нашим лесам обитает,почти как тряпочных в детских магазинах,которые особенно вочеловечены и уроднены нашей любовью и памятью,потому что по другой легенде медведи и вовсе каждому из нас родня – такие же дети Адама и Евы,которых отец и мать первое время прятали от Господа в медвежьем платье,стыдясь своего послушания.Не знали первые грешники,что от Бога не спрячешься.Но самое-то дорогое в книге даже не эти одушевленные сюжеты,не несчетные вымышленные и реальные истории,не бывальщины и былички,а счастье живой цветистой речи,записанной со слуха во всем музыкальном многообразии.

«Говоря,человек можа в медведя превратиться.Вот и перевертух.Надо через коромысло перевернуться да еще слова каки-то знать,и медведем станешь.Вот один,он перевернулся как-то через коромысло ли,через батожок,а сноха как раз в печку житники садила.«Не трогай – он говорит – мой батожок»,а она его пошевелила как-то,он и не мог

вернуться. А раз медведя убили, шкуру сняли, а у него туша человечья. Это он, перевертыш и был-то».

«Он же настоящий человек! Вот ляжит когда, он же человек и человек. Как всё равно женщины распахнётся».

И опять с улыбкой думаю, как они сами-то, кого она записывала, потом читали свою речь, если книга попадалась под руку (только как же попадет – ученая-то да с тиражом в тысячу). Дивились, поди: неужели они так говорят? Ведь грамотные все, школы пооканчивали, а тут вон чего. И, может, засмеются: «Вот, девки, чо с нами деревня делат», а Виктор Петрович Астафьев даже и написал бы вместо «девки» «дефти», как слышал от баушки Катерины Петровны.

Я гляжу на фотографии этих старых, сразу и навсегда родных рассказчиков и рассказчиц во всех словарях и в этой «медвежьей» книге, и слышу эту земную, земляную речь в каждой морщине, в рабочих руках и бедном платье, потому что и они – лицо и руки – та же земная, лесная, небесная речь, простая, как проулок, выходящий к реке, как покосившийся забор и красивая, как наличник, полотенце на иконе в красном углу или прялка. И фотографии пейзажей, и «портреты» бытовых предметов – эти излучины реки, остожья, старенькие избы и эти поняги, ичиги, туеса и дуги – ведь это те же простые слова и лица, одна целая, веками сложившаяся жизнь, где всякая вещь по руке и даже всякое облако – Господень привет.

Случись чего (сохрани Бог!) с матушкой Сибирью, Господь воскресит весь цветущий луг её живого великорусского бытия во всей необъятности и красоте, глубине, мужестве, покое, любви и мудрости, по одним книгам Галины Витальевны. Всё не молкнет великая ахматовская клятва, принесенная в роковой час русского слова: «Свободным и чистым тебя пронесем и внука дадим, и от плена спасем. Навеки!» И никакое беспамятство, никакой «плен» суетной сегодняшней безличности телевидения и интернета уже не властен над небом святой, поднятой к свету природной русской речи.

А на столе у Галины Витальевны уже ждёт издателя 21-й том пятидесятитомного «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири», книга «Народное православие в Сибири», двухтомник «Байкал в рассказах жителей побережья» и складывается лист к листу «Ангарская деревня в рассказах жителей затопленных мест».

Валентин Курбатов,
литературный критик, литературовед,
прозаик, член Союза писателей России,
член Президентского Совета по культуре